

Спина ощутила волну тепла: он обхватил мою талию руками, щекой прижавшись к моему уху. Он медленно отстранил меня от самого края крыши. Его лицо было горячим и мягким — это совершенно не вязалось с тем угловатым образом, который сложился у меня в голове после наблюдений за ним. По всему телу разлилось тягучее онемение. Оно началось где-то у основания копчика, поднялось к шее и опустилось к пяткам. В ту ночь мне снилось множество снов, сменяющих друг друга. Когда я окончательно проснулся, обнаружил, что простыня под животом насквозь промокла. Во сне мы с Вэем стояли на крыше, и он был в белоснежной форме. Это явно был старый полицейский китель, а на белой фуражке красовалась круглая эмблема. К тому времени, как я пошел в старшую школу, форму и фуражки уже заменили на оливково-зеленые. Вспоминая этот сон, я беззвучно ахнул. Именно в ту ночь я снова вспомнил о дневнике А Ланя. Достав его из-под циновки, я прочел его от корки до корки, не смыкая глаз до самого утра. Перед рассветом разразилась сильная гроза, электричество отключили, и я дочитывал дневник при свете свечи. С тех пор, всякий раз, когда гас свет, я доставал дневник А Ланя и читал его при свечах, пока не выучил почти наизусть. В глубокой ночной тишине, на той жесткой деревянной двуспальной кровати в доме Хуэй, Хуэй точно так же обнимал А Ланя со спины и шептал во сне: Лань, я люблю тебя. Я твердо уверился в том, что А Лань — парень. И мне казалось, я понимаю всю боль А Ланя. Но при этом я все сильнее завидовал ему, ведь мы с Вэем оставались всего лишь хорошими друзьями. У меня не было даже веских доказательств того, что Вэй вообще испытывает ко мне чувства. Мне до боли хотелось узнать, чем заканчивается история в дневнике. Я не знал, действительно ли А Лань умер, и не мог даже представить, остались бы они вместе с Хуэй, если бы А Лань был жив — остались бы они до самого того момента, когда я нашел этот дневник. Иногда я думал, что в любом случае должен найти Хуэй. Может, мне стоило отыскать его и вернуть дневник. Но если бы я действительно встретил Хуэй, хватило бы у меня смелости спросить его о финале этой истории? Вся моя жизнь в старшей школе прошла в терзаниях между А Ланем, Хуэй и Вэем. Порой я даже путал их, особенно во сне. Я был непоколебимо уверен, что тот, кто постоянно навещает мои сны — это Хуэй. Ведь он всегда был в старой полицейской форме, и во сне называл меня Ланем, а я звал его Хуэй. И все же у него было лицо и голос Вэя.

Двойка (3)

В реальной жизни я иногда тоже называл Вэя Хуэй. Думаю, я стал одержим дневником А Ланя. Но Вэй никогда не допускал такой ошибки. Он всегда называл меня Сяодуном — возможно, потому что я никогда не давал ему читать этот дневник. На самом деле, в самом дневнике не было ни одного прямого доказательства пола А Ланя. Но с того момента я действительно больше никогда в этом не сомневался. Я был свято уверен: он парень. Так же твердо, как был уверен, что сам я — парень. После окончания школы я поступил на электротехнический факультет Университета Цинхуа, а Вэй поступил на механический факультет того же университета, но на краткосрочную программу. Это изрядно удивило и учителей, и одноклассников. С его баллами он легко мог бы пройти на полноценное бакалаврское обучение в обычный университет. В тот день, когда мы подавали заявления, он смотрел на мою анкету и пробормотал: Университет Цинхуа, как же это далеко от меня! Я ответил: Неважно как далеко, ты будешь навещать меня? Я не стал заглядывать в его бумаги и не расспрашивал, в какие еще вузы он подавал документы. Я слышал, что он планировал поступать в другой город. Проходной балл в тот университет в Пекине был невысок, и подать документы туда было для него логичным решением. Но он выбрал Цинхуа, пожертвовав полноценным высшим образованием. Я не мог понять, что им двигало. Думаю, даже он сам не смог бы этого объяснить. В итоге мы оказались в одном университете и жили в одном общежитии. Он на первом этаже, я — на четвертом. Студенты краткосрочных программ обычно не имели права жить в общежитии, но Вэй каким-то образом умудрился поселиться в комнате бакалавров

своего факультета. Я в шутку спросил, по каким связям он это устроил, на что он с загадочной улыбкой ответил: Не твое дело, просто мне нужно присматривать за тобой. Мы вместе занимались в библиотеке, вместе ели в четырнадцатой или пятнадцатой столовой, по выходным вместе ездили домой, а по пятницам во время политзанятий прогуливали уроки, чтобы покататься на велосипедах по Старому Летнему дворцу. Тогда стены были только по бокам от главных ворот, а сзади парк переходил в беспорядочные крестьянские постройки, не имея четкой границы. Мы всякий раз проскальзывали мимо этих домиков, но в конце концов нас поймали контролеры с красными повязками. Штраф составил тридцать пять юаней: пятнадцать за езду на велосипеде по территории и двадцать за вход без билета. По тем временам сумма была огромная — импортные виниловые пластинки, которые я покупал в книжном магазине иностранной литературы, стоили всего около двадцати юаней. Мы в сердцах решили больше не ходить в парк. Как раз в это время в университете ввели систему больших и малых выходных, и занятия по металлообработке перенесли с субботнего утра на пятницу. Так я начал отдыхать два полных дня. Вэй, будучи студентом краткосрочной программы, по субботам все равно не учился, и мы стали ездить домой уже в пятницу после обеда. В выходные мы больше не шатались по городу. Я сидел дома и помогал отцу по хозяйству. Переехав в общежитие, я вдруг заметил, как с каждым днем стареет отец. Возможно, он начал стареть гораздо раньше, и мой отъезд тут ни при чем, просто еженедельные встречи позволили мне по-настоящему осознать этот процесс. Мы с Вэем продолжали ездить на великах, но теперь — в среду или четверг вечером, и местом наших прогулок стал храм Вофосы. В конце весны и начале лета там было удивительно тихо и сладостно, а окрестные горы веяли невыразимой духовной силой. Охранники у ворот были не такими свирепыми, как в Старом Летнем дворце, и вскоре мы с ними сдружились: нас перестали заставлять покупать билеты, да и на велосипедах мы ездили уже не скрываясь. До сих пор я с тоской вспоминаю то время, хотя оно продлилось недолго. Однажды мы бродили по парку до самого заката, и, когда туристы разошлись, в огромном парке словно остались только мы двое. В сумерках мы рассматривали одну статую Будды за другой. Я молча вглядывался в глаза божества — его взгляд был мягким, но твердым. Вдруг я почувствовал, как этот взгляд меня пронзил, словно Будда терпеливо ждал возможности указать мне путь. Сам не зная почему, я вдруг вспомнил дневник А Ланя. Я невольно беззвучно спросил у Будды: какой же конец у истории А Ланя и Хуэй? Будда не ответил сразу. Вэй, стоявший рядом, осторожно коснулся моих пальцев. Он тихо спросил, о чем я молюсь. Окружающая тишина и полумрак придали мне смелости, которой я никогда не знал, и я шепотом произнес одно слово: О тебе. Он долго молчал, и я почувствовал, как его рука вспотела. Мои ладони тоже были влажными, а сцепленные указательные пальцы стали скользкими, словно требовалось приложить немало усилий, чтобы удерживать их вместе. Он просто резко отдернул руку и с натянутой улыбкой сказал, что пора идти. На душе стало холодно. Я поднял глаза на Будду, но его взгляд стал туманным — он все еще был мягким, но в нем больше не было твердости, и я перестал его понимать.

Двойка (4)

В тот вечер мы по пути в университет, как обычно, купили арбуз и съели его, потом вместе пошли в умывальную за водой. Но больше в храм Вофосы мы не возвращались. Семестр быстро подошел к концу. А когда осенью мы вернулись к учебе, мы уже не были неразлучны.

Тройка (1)

Осенью на втором курсе Вэй познакомился с Юй Цзяхуэй. В тот вечер, когда он встретил ее, я был один в учебном корпусе. Без Вэя мне было не занять место в читальном зале библиотеки. Вэй ушел танцевать с однокурсниками, а я готовился к экзамену по английскому. На самом деле, даже без экзамена я бы вряд ли пошел на те танцы. Так что все, что должно было случиться, в любом случае произошло бы — от судьбы не убежишь. На следующий вечер мы снова занимались в библиотеке. Вдруг пришел его одноклассник и передал, что в общежитии его ищет девушка из Авиационного института. Мы полсекунды молча смотрели друг на друга. Я равнодушно уткнулся в учебник. Он сказал парню, что очень занят, и попросил передать девушке, что его не нашли. Прошла неделя. Тот же вечер в библиотеке. Снова пришел тот парень и добавил, что девушка ждет прямо у входа. В этот раз я даже не поднял головы. Но я знал, что перед уходом Вэй посмотрел на меня. В библиотеке было очень ярко. Две девушки напротив шептались, вертя ручки в пальцах — куда менее умело, чем я. В ту ночь Вэй не вернулся. Когда я занес его сумку в комнату, его там тоже не оказалось. С тех пор он лишь изредка забежал поздороваться и просил меня не ждать его на занятия. А потом, когда это стало повторяться каждую ночь, даже формальности исчезли. Он учился на краткосрочной программе, ему вовсе не нужно было столько заниматься. Мы стали видеться редко. А если и встречались, он всегда куда-то спешил. Я тоже прибавлял шагу, делая вид, что очень тороплюсь. Мы улыбались друг другу, махали руками, иногда обменивались парой пустых, бессмысленных фраз. У нас все равно не было времени поговорить, ведь каждый из нас был крайне занят. Мы проходили мимо, и я старался не оборачиваться, чтобы посмотреть ему в спину. Думаю, уже через пару секунд он оказывался далеко. Я предполагал, что он действительно стал очень занят, раз даже в выходные не находил свободного времени. Ведь по выходным мы тоже перестали ездить домой вместе. Я вдруг понял, что ездить на велосипеде тяжело, и пересел на автобус. Так я узнал, что по выходным он ездит в Авиационный институт. Мне казалось, что я много раз видел через стекло автобуса 375-го маршрута, как он на полной скорости сворачивает к воротам института. Но я понимал, что это лишь иллюзия — ведь в моем представлении он был в той синей пуховой куртке. Но в университете он уже носил черную кожаную куртку, а пуховик давно стал ему мал. К тому же, в этих видениях вокруг было тихо и пусто. Но это невозможно: автобус 375, идущий в пятницу вечером к Сичжимэнь, всегда был набит битком, как банка со шпротами. В конце концов, от одноклассников я услышал, что он встречается с той девушкой. Ее звали Юй Цзяхуэй, она была родом из Шанхая, одного возраста со мной, но курсом старше. Наверное, я должен быть благодарен Юй Цзяхуэй, ведь благодаря ей у меня появилось много свободного времени. Я использовал его, чтобы сблизиться с одноклассниками, через студсовет выбивал себе привилегии, готовился к экзаменам по английскому. Но никакой симпатии к Юй Цзяхуэй я не питал. Мы даже не были знакомы лично, но всякий раз, когда я думал о ней, в голове упрямо всплывал образ Дацзи из сериала «Легенда о богах». Она казалась мне хитроумной лисицей. Я хорошо помню ту холодную зиму. После вечерних занятий, когда я ехал на велосипеде в общежитие, встречный северный ветер мешал дышать. Я был уверен, что в университетском городке Цинхуа холоднее, чем в самом Пекине. Но ведь это была не первая моя зима в Цинхуа. Почему же первая не запомнилась мне такой холодной? Видимо, моя память и вправду ненадежна. Когда зима закончилась, я решил, что мне уже все равно. Я снова стал ездить домой на велосипеде. Купил новый: старый был украден у южных ворот — значит, нет в мире ничего «постоянного». К тому же, я забыл дневник А Ланя под матрасом и давно его не открывал. Моя жизнь текла спокойно, до тех пор, пока не настали каникулы. Летом я обнаружил, что отец слишком сблизился с моей дальней кузиной. Он называл ее Сяолянью. У меня были бесчисленные дальние родственники, большинство из которых работали в Пекине чернорабочими или нянями. Это открытие вызвало у меня чувство стыда. Я остро ощущал свой эгоизм, но совершенно не собирался с ним бороться.

Той зимой, думаю, я вел себя по отношению к Сяолянью довольно грубо. Я упорно твердил, что в первый раз увидел ее с двумя длинными косами и в ярко-красном костюме. Так я пытался доказать ее «деревенскость». Сяолянью никогда с этим не соглашалась. Она плакала и говорила, что с самого детства никогда не носила длинных волос. Либо моя память, либо Сяолянью — кто-то из нас лгал. Хотя я не доверял своим воспоминаниям, Сяолянью я доверял еще меньше. Отец был мной разочарован. Но у него не было шанса меня ударить, ведь я больше не лазил на перила балкона — я слишком вырос, не мог там даже встать в полный рост, да и не был уверен, что старые перила выдержат. Хотя я и не верил Сяолянью, при виде ее слез я все равно чувствовал вину. К тому же у отца начались проблемы с сердцем, не сказать что серьезные, но частично связанные со мной. Поэтому я вернулся в университет раньше. В то летнее утро, таща багаж, я встретил в коридоре Вэя и Юй Цзяхуэй. Они выходили из его комнаты, держась за руки. Глаза у них были заспанные, волосы растрепаны. Она оказалась куда менее красивой, чем Дацзи из сериала. Взгляд Вэя встретился с моим. Он вздрогнул и неловко отпустил ее руку. Я посмотрел на Юй Цзяхуэй с презрением, а на Вэя — с ненавистью. Отводя взгляд, я прошел мимо них, словно мимо чужих людей. Раньше я думал, что мне уже все равно. Но если все равно, то откуда такая ненависть? Ненависть к Вэю переросла в ненависть к самому себе, а затем распространилась на все вокруг. Я решил изменить свою жизнь. Я нашел способ перевестись в американский университет с частичной стипендией. Перевод на бакалавриат с получением полной стипендии — вещь почти невозможная, но даже частичная стипендия для переводного студента в те годы была редкостью. Финансовым гарантом выступил мой дальний дядя. Иногда я сомневался, есть ли у нас вообще кровное родство. Даже о матери я давно ничего не слышал. Адрес дяди я нашел в толстой записной книжке, оставшейся после матери. Но это было неважно, ведь я никогда его не видел. Я легко получил американскую визу — все прошло гораздо быстрее, чем я ожидал. Цена была невелика: вставать на два часа раньше и пропустить пару лекций по марксистской философии. Моя память упростила этот процесс: казалось, я просто вышел из такси и сразу вошел в посольство. Разум подсказывал, что это невозможно, что я наверняка брал талончик и долго стоял в очереди. В день, когда я покидал Цинхуа, меня провожало много однокурсников. Пришли даже несколько школьных друзей, которых я не видел много лет. Они спрашивали, почему нет Вэя, полагая, что он обязательно должен быть здесь. Я долго стоял у двери его комнаты, но так и не решился постучать. Из коридора доносилась песня группы Black Panther: Don't break my heart. Я все еще ненавидел Вэя, а уезжающим далеко не нужно прощаться с теми, кого ненавидишь. В тот вечер я сидел рядом с отцом и мы долго разговаривали. С самого лета у нас не было таких доверительных бесед. Спустя много лет я пытался вспомнить содержание того разговора, но не смог. С возрастом я с ужасом обнаружил, как безжалостно память отсеивает ценные вещи. Я возненавидел свою память. После разговора с отцом было уже очень поздно. Я в последний раз вышел на балкон. Перед глазами выросли высокие дома, исчезли древняя обсерватория и медленно ползущие поезда. Я взглянул на окрестности: на Второй кольцевой дороге — поток машин. Еще ближе, по обе стороны крепостного рва, все было выложено аккуратной квадратной плиткой, от былой травы и колючек не осталось и следа. И тут я увидел Вэя. Он стоял под фонарем, глядя вверх на меня. Мое зрение затуманилось. Мы долго смотрели друг на друга, потом он махнул мне рукой и решительно зашагал прочь. Нос у меня заложило. Я вернулся в комнату, достал из-под матраса дневник А Ланя и положил его в чемодан. В моих воспоминаниях мы и правда смотрели друг на друга долго. Но память моя ненадежна. Я упрямо помню, как под фонарем его волосы, прилипшие ко лбу, блестели от дождя. Но в то же время я отчетливо помню, что в ночном небе висела полная луна. К тому же, зимой в Пекине дожди идут редко.

Тройка (3)

Думаю, я перепутал события той ночи с сюжетом дневника А Ланя. Спустя много лет я даже начал сомневаться, видел ли я Вэя на самом деле. Но на следующий день я точно привез дневник А Ланя в Америку. Старый потрепанный блокнот — лучшее тому доказательство.

Тройка (1)

Когда я приехал в Энн-Арбор, все вокруг было занесено снегом. Тайваньцы называли этот город Анна-Арбор. Звучало приторно. В то время в Мичиганском университете студенты из материкового Китая были редкостью, зато иногда встречались ребята из Тайваня или Гонконга — именно от них я и услышал это странное название. Но я упорно называл город Энн-Арбор, как это было написано на картах в Китае. К счастью, я попал не в Сан-Франциско, который у нас переводили как Сент-Франциско. Благодаря китайскому студенческому союзу первым моим пристанищем стал подвал в доме одинокого пожилого американца. Сразу после перелета оказаться в подвале — большая удача. Я слышал историю об одном китайском студенте, который, встретившись в аэропорту с представителем университета, на вопрос о наличии наличных ответил, что у него пятьсот долларов. Его тут же отвезли в мотель за шестьдесят долларов в сутки. У меня в кармане было всего двести, так что я был счастлив. В подвале была кровать, стол, стул, туалет с душем и котел, который гудел целыми днями. Потолок был низким, по нему переплетались трубы. В подвале было темно и днем, и ночью. Старик, живший этажом выше, постоянно ходил по комнате, и стук его трости был оглушительным в любое время суток. Он был худой и сгорбленный. Я до сих пор не понимаю, как такой немощный старик мог издавать такой грохот. Симпатии к нему я не питал, поэтому разговаривать не собирался. Говорил он с трудом, невнятно, а мой английский тогда оставлял желать лучшего. Но, кроме меня, поговорить ему было не с кем. В первый же день я отдал ему сто пятьдесят долларов за аренду, и он тут же пробормотал что-то. Я не понял ни слова и не имел терпения разбираться — за окном светило солнце, а мне хотелось спать. Я что-то буркнул в ответ, совершенно нелогичное. Старик нахмурился и сказал, что я вообще не понял вопроса. Поразительно, с таким-то возрастом обладать таким острым слухом! Я опешил и решил повременить со сном, чтобы все-таки понять, чего он хочет. Сейчас вспоминаю — должно быть, он носил слуховой аппарат. Оказалось, он хотел похвастаться своим телевизором. Он всерьез думал, что я никогда раньше не видел ничего подобного. А еще он потребовал, чтобы я приготовил ему суши — он даже не знал, в чем разница между Китаем и Японией. Я остро ощутил себя чужаком в чужой стране. Мне стало невыносимо жаль Пекина.